

Властелин колец (6 глава)

Дж Толкиен

?????? ? ??????? ????????

Закат догорел, понемногу смеркло, потом сгустилась ночная тьма. Они скакали во весь опор; когда же наконец остановились, чтоб дать отдых лошадям, то даже Арагорн пошатнулся, спешившись. Гэндальф объявил короткий ночлег. Леголас и Гимли разом уснули; Арагорн лежал на спине, раскинув руки; лишь старый маг стоял, опершись на посох и вглядываясь в темноту на западе и на востоке. В беззвучной ночи шелестела трава. Небо заволокло, холодный ветер гнал и рвал нескончаемые облака, обнажая туманный месяц. Снова двинулись в путь, и в жидком лунном свете кони мчались быстро, как днем.

Больше не отдыхали; Гимли клевал носом и наверняка свалился бы с коня, если б не Гэндальф: тот придерживал и встряхивал его. Хазуфел и Арод, изнуренные и гордые, поспедали за своим вожакom, за серой еле заметной тенью. Миля за милей оставались позади; бледный месяц скрылся на облачном западе.

Выдался знобкий утренник. Мрак на востоке поблек и засерел. Слева, из-за дальних черных отрогов Привражья, брызнули алые лучи. Степь озарил яркий и чистый рассвет; на их пути заметался ветер, вороша поникшую от холода траву. Внезапно Светозар стал как вкопанный и заржал. Гэндальф указал рукой вперед.

– Взгляните! – крикнул он, и спутники его подняли усталые глаза. Перед ними возвышался южный хребет – крутоверхие белые громады, изборожденные рывинами. Зеленело холмистое угорье, и прилив степной зелени устремлялся в глубь могучей гряды – клиньями еще объятых темнотой долин. Взорам открылась самая просторная и протяженная из них. Она достигала горного узла со снежной вершиной, а широкое устье разлога стерегла отдельная гора за светлым речным витком. Еще неблизкое ее взлобье золотилось в утренних лучах.

– Ну, Леголас! – сказал Гэндальф. – Поведай нам, что ты видишь!

Леголас заслонил глаза от рассиявшегося солнца.

– Я вижу, со снеговых высей, блистая, бежит поток, исчезает в разлоге и возникает из мглы у подошвы зеленой горы, близ восточной окраины дола. Гора обнесена мощной стеной, остроконечной оградой и крепостным валом. Уступами вздымаются крыши домов; венчает крепость круглая зеленая терраса с высоким дворцом. Кажется, он крыт золотом – так и сияет. И дверные столбы золотые. У дверей стража в сверкающих панцирях; во всей крепости никакого движения – видно, еще спят.

– Крепость называется Эдорас, – сказал Гэндальф, – а златоверхий дворец – Медусельд. Это столица Теодена, сына Тенгела, властителя Мустангрима. Хорошо, что мы подоспели к рассвету. Вот она, наша дорога. А ехать надо с оглядкой – время военное, и коневоды-ристанийцы не спят и не дремлют, мало ли что издали кажется. Не прикасаться к оружию и держать языки на привязи – это я всем говорю, да и себе напоминаю. Надо, чтобы нас добром пропустили к Теодену.

Стояло хрустальное утро, и птицы распевали вовсю, когда они подъехали к реке. Она шумно изливалась в низину, широким извивом пересекая их путь и унося свои струи на восток, к камышовым заводям Онтавы. Сырые пышные луговины и травянистые берега заросли ивняком, и уже набухали, по-южному рано, густо-красные почки. Мелкий широкий брод был весь истоптан копытами. Путники переправились и выехали на большую колеистую дорогу, ведущую к крепости мимо высоких курганов

у подошвы горы. Их зеленые склоны с западной стороны подернуло точно снегом звездчатыми цветочками.

– Смотрите, – сказал Гэндальф, – как ярко они белеют! Называются поминальники, по-здешнему симбельмейны, кладбищенские цветы, и цветут они круглый год. Да-да, это все могильники предков Теодена.

– Семь курганов слева, девять – справа, – подсчитал Арагорн. – Много утекло жизней с тех пор, как был воздвигнут золотой чертог.

– У нас в Лихолесье за это время пять сотен раз осыпались красные листья, – сказал Леголас, – но, по-нашему, это не срок.

– Это по-вашему, а у мустангримцев другой счет времени, – возразил Арагорн. – Лишь в песнях осталась память о том, как построили дворец, а что было раньше, уж и вовсе не помнят. Здешний край они называют своей землей, и речь их стала невнятна для северных сородичей.

Он завел тихую песню на медлительном языке, неведомом ни эльфу, ни гному, но им обоим понравился ее протяжный напев.

– Послушать, так ристанийское наречие, – сказал Леголас, – и правда, звучит по-здешнему, то красно и раздольно, то жестко и сурово: степь и горы. Но я, конечно, ничего не понял. Слышится в песне печаль о смертном уделе.

– На всеобщий язык, – сказал Арагорн, – это можно перевести примерно так:

Где ныне конь и конный?

Где рог его громкозвучащий?

Где его шлем и кольчуга,

где лик его горделивый?

Где сладкозвучная арфа

и костер, высоко горящий?

Где весна, и зрелое лето, и золотистая нива?

Отгремели горной грозою,

отшумели степными ветрами,

Сгнули дни былые

в закатной тени за холмами.

С огнем отплясала радость,

и с дымом умчалось горе,

И невозвратное время

не вернется к нам из-за Моря.

Такое поминанье сочинил давно забытый ристанийский песенник в честь Отрока Эорла, витязя из витязей: он примчался сюда с севера, и крылья росли возле копыт его скакуна Феларофа, прародителя нынешних лошадей Мустангрима. Вечерами, у костров, эту песню поют и поныне.

За безмолвными курганами дорога вкруговую устремилась вверх по зеленому склону и наконец привела их к прочным обветренным стенам и крепостным воротам Эдораса.

Возле них сидели стражи, числом более десятка; они тотчас повскакивали и преградили путь скрещенными копьями.

– Ни с места, неведомые чужестранцы! – крикнули они по-ристанийски и потребовали затем назвать себя и изъяснить свое дело. Изумление было в их взорах и ни следа дружелюбия; на Гэндальфа они глядели враждебно.

– Добро вам, что я понимаю ваш язык, – отозвался тот на их наречии, – но странники знать его не обязаны. Почему вы не обращаетесь на всеобщем языке, как принято в западных землях?

– Конунг Теоден повелел пропускать лишь тех, кто знает по-нашему и с нами в дружбе, – отвечал самый видный из стражей. – В дни войны к нам нет входа никому, кроме мустангримцев и гондорцев, посланцев Мундбурга. Кто вы такие, что безмятежно едете в диковинном облачении по нашей равнине верхом на конях, как две капли воды схожих с нашими? Мы стоим на часах всю ночь и заметили вас издалека. В жизни не видели мы народа чуднее вас и коня благородней того, на котором вы сидите вдвоем. Он из табуна Бэмаров – или же глаза наши обмануты колдовским обличем. Ответствуй, не ведьмак ли ты, не лазутчик ли Сарумана, а может, ты чародейный призрак? Говори, ответствуй немедленно!

– Мы не призраки, – отвечал за Гэндальфа Арагорн, – и глазам своим можете верить. Что кони это ваши – знаете сами, нечего и спрашивать зря. Однако же редкий конокрад пригоняет коня хозяевам. Это вот Хазуфел и Арод. Эомер, Третий Сенешаль Мустангрима, одолжил их нам двое суток назад. Мы их доставили в срок. Разве Эомер не вернулся и вас не предупредил?

Страж, как видно, смутился.

– Об Эомере у нас речи не будет, – молвил он, отводя глаза. – Если вы говорите правду, то конунга, без сомнения, надо оповестить. Пожалуй, вас, и то сказать, поджидают. Как раз две ночи назад к нам спускался Гнилоуст, именем Теодена он не велел пропускать ни единого чужестранца.

– Гнилоуст? – сказал Гэндальф, смерив его строгим взглядом. – Тогда больше ни слова! До Гнилоуста мне дела нет, дела мои – с повелителем Мустангрима. И дела эти спешные. Пойдешь ты или пошлешь объявить о нашем прибытии?

Глаза его сверкнули из-под косматых бровей; он сурово нахмурился.

– Пойду, – угрюмо вымолвил страж. – Но о ком объявлять? И как доложить о тебе? С виду ты стар и немощен, а сила в тебе, по-моему, страшная.

– Верно ты углядел и правильно говоришь, – сказал маг – Ибо я – Гэндальф. Я возвратился и, как видишь, тоже привел коня, Светозара Серебряного, не подвластного ничьей руке. Рядом со мной Арагорн, сын Араторна, наследник славы древних князей, в Мундбург лежит его дорога. А это эльф Леголас и гном Гимли, испытанные наши друзья. Ступай же, скажи своему подлинному господину, что мы стоим у ворот и хотим говорить с ним, если он допустит нас в свой чертог.

– Чудеса, да и только! – пожал плечами страж – Ладно, будь по-твоему, я доложу о вас конунгу, а там воля его. Погодите немного, я скоро вернусь с ответом. Очень-то не надейтесь, время нынче недоброе.

И страж удалился быстрыми шагами, препоручив чужестранцев надзору своих сотоварищей. Вернулся он и взаправду скоро.

– Следуйте за мною! – сказал он. – Теоден допускает вас к трону, но всякое оружие, будь то даже посох, вам придется сложить у дверей. За ним приглядит охрана.

Негостеприимные ворота приоткрылись, и путники вошли по одному вслед за своим вожатым. В гору поднималась извилистая брусчатая улица: то плавные изгибы, то короткие лестницы, выложенные

узорными плитами. Они шли мимо бревенчатых домов, глухих изгородей, запертых дверей, возле переливчатого полноводного ручья, весело журчавшего в просторном каменном желобе. Выйдя к вершине горы, они увидели, что над зеленой террасой возвышается каменный настил, из него торчала искусного ваяния лошадиная голова, извергавшая прозрачный водопад в огромную чашу; оттуда и струился ручей. Длинная и широкая мраморная лестница вела ко входу в золотой чертог; по обе стороны дверей были каменные скамьи для телохранителей конунга: они сидели с обнаженными мечами на коленях. Золотистые волосы, перехваченные тесьмой, ниспадали им на плечи; зеленые щиты украшал солнцевидный герб; их длинные панцири сверкали зеркальным блеском. Они поднялись во весь рост и казались на голову выше простых смертных.

– Вам туда, – сказал вожатый. – А мне – обратно, к воротам. Прощайте! Да будет милостив к вам повелитель Мустангрима!

Он повернулся и, точно сбросив бремя, легко зашагал вниз. Путники взойшли по длинной лестнице под взглядами молчаливых великанов-часовых и остановились у верхней площадки. Гэндальф первым ступил на мозаичный пол, и сразу же звонко прозвучало учтивое приветствие по-ристанийски.

– Мир вам, пришельцы издалека! – промолвили стражи и обратили мечи рукоятью вперед. Блеснули зеленые самоцветы. Потом один из часовых выступил вперед и заговорил на всеобщем языке:

– Я Гайма, главный телохранитель Теодена. Прошу вас сложить все оружие здесь у стены.

Леголас вручил ему свой кинжал с серебряным черенком, колчан и лук.

– Побереги мое снаряжение, – сказал он. – Оно из Золотого Леса, подарок Владычицы Кветлоризна.

Гайма изумленно вскинул глаза и поспешно, с видимой опаской сложил снаряжение возле стены.

– Можешь быть спокоен, никто его пальцем не коснется, – пообещал он.

Арагорн медлил и колебался.

– Нет на то моей воли, – сказал он, – чтобы расставаться с мечом и отдавать Андрил в чужие руки.

– На то есть воля Теодена, – сказал Гайма.

– Вряд ли воля Теодена, сына Тенгела, хоть он и повелитель Мустангрима, указ для Арагорна, сына Араторна, потомка Элэндила и законного государя Гондора.

– В этом дворце хозяин Теоден, а не Арагорн, даже если б он и сменил Денэтора на гондорском троне, – возразил Гайма, преградив путь к дверям. Меч в его руке был теперь обращен острием к чужеземцам.

– Пустые перекоры, – сказал Гэндальф. – Веленье Теодена неразумно, однако же спорить тут не о чем. Конунг у себя во дворце волен в своем неразумии.

– Поистине так, – согласился Арагорн. – И я покорился бы воле хозяина дома, будь то даже хижина дровосека, если бы меч мой был не Андрил.

– Как бы он ни именовался, – сказал Гайма, – но ты положишь его здесь или будешь сражаться один со всеми воинами Эдораса.

– Почему же один? – проговорил Гимли, поглаживая пальцем лезвие своей секиры и мрачно поглядывая на телохранителя конунга, точно примеряясь рубить молодое деревце. – Не один!

– Спокойствие! – повелительно молвил Гэндальф. – Мы – ваши друзья и соратники, и всякая распря между нами на руку только Мордору – он отзовется злорадным хохотом. Время дорого. Прими мой меч, доблестный Гайма. Его тоже побереги: имя ему Яррист, и откован он эльфами много тысяч лет назад. Меня теперь можешь пропустить. А ты, Арагорн, образумься!

Арагорн медленно отстегнул пояс и сам поставил меч стоймя у стены.

– Здесь я его оставлю, – сказал он, – и повелеваю тебе не прикасаться к нему, и да не коснется его никто другой. Эти эльфийские ножны хранят Сломанный Клинок, перекованный заново. Впервые выковал его Тельчар – во времена незапамятные. Смерть ждет всякого, кто обнажит меч Элэндила, кроме его прямых потомков.

Страж попятился и с изумлением взглянул на Арагорна.

– Вы словно явились по зову песни из дней давно забытых, – проговорил он. – Будет исполнено, господин, как ты велишь.

– Ну, тогда ладно, – сказал Гимли. – Рядом с Андрилом и моей секире не зазорно полежать отдохнуть. – И он с лязгом положил ее на мозаичный пол. – Теперь все тебя послушались, давай веди нас к своему конунгу.

Но страж мешкал.

– Еще твой посох, – сказал он Гэндальфу. – Прости меня, но и его надлежит оставить у дверей.

– Вот уж нет! – сказал Гэндальф. – Одно дело – предосторожность, даже излишняя, другое – неучтивость. Я – старик. Если ты непустишь меня с палкой, то я сяду здесь и буду сидеть, пока Теодену самому не заблагорассудится приковылять ко мне на крыльцо.

Арагорн рассмеялся.

– Кто о чем, а старик о своей палке, – сказал он. – Что ж ты, – укоризненно обратился он к Гайме, – неужели и вправду станешь отнимать палку у старика? А без этого не пропустишь?

– Посох в руке волшебника может оказаться не подпоркой, а жезлом, – сказал Гайма, пристально поглядев на ясеневую палку Гэндальфа. – Однако ж в сомнении мудрость велит слушаться внутреннего голоса. Я верю, что вы друзья и что такие, как вы, не могут умышлять лиходейства. Добро пожаловать!

Загремели засовы, тягучим скрежетом отозвались кованые петли, и громоздкие створки медленно разошлись. Пахнуло теплом, почти затхлым после свежего и чистого горного воздуха. В многоколонном чертоге повсюду таились тени и властвовал полусвет, лишь из восточных окон под возвышенным сводом падали искристые солнечные снопы. В проеме кровли, служившем дымоходом, за слоистой пеленой виднелось бледно-голубое небо. Глаза их пообвыкли, и на мозаичном полу обозначилась затейливая руническая вязь. Резные колонны отливали тусклым золотом и сеяли цветные блики. Стены были увешаны необъятными выцветшими гобеленами; смутные образы преданий терялись в сумраке. Но один из ковров вдруг светло озарился: юноша на белом коне трубил в большой рог, и желтые волосы его развевались по ветру. Конь ржал в предвкушении битвы, задрав голову, раздувая красные ноздри. У колен его бурлил, плеща зеленоватой пеной, речной поток.

– Вот он, Отрок Эорл! – сказал Арагорн. – Таким он был, когда примчался с севера и ринулся в битву на Келебранте.

Посредине чертога ровно и ясно пламенел гигантский очаг. За очагом, в дальнем конце зала, было возвышение – трехступенчатый помост золоченого трона. На троне восседал скрюченный старец, казавшийся гномом; его густые седины струились пышной волной из-под тонкого золотого обруча с крупным бриллиантом. Белоснежная борода устилала его колени, и угрюмо сверкали глаза навстречу незваным гостям. За его спиной стояла девушка в белом одеянии, а на ступеньках у ног примостился иссохший человечек, длинноголовый, мертвенно-бледный; он смежил тяжелые веки.

Молча и неподвижно взирал на пришельцев с трона венценосный старик. Заговорил Гэндальф:

– Здравствуй, Теоден, сын Тенгела! Видишь, я снова явился к тебе, ибо надвигается буря и в этот грозный час все друзья должны соединить оружие, дабы не истребили нас порознь.

Старик медленно поднялся на ноги, подпираясь коротким черным жезлом со светлым костяным набалдашником; тяжело лежало на конунге бремя лет, но, видно, старческому телу памятна еще была прежняя осанка могучего, рослого витязя.

– Здравствуй и ты, чародей Гэндальф, – отвечал он. – Но если ты ждешь от меня слова приветия, то ждешь напрасно: по чести, ты его не заслужил. Ты всегда был дурным вестником. Напасти слетаются вслед за тобой, как вороны, и все чернее их злобная стая. Скажу не солгу: когда я услышал, что Светозар вернулся, потеряв седока, я рад был возвращению коня, но еще больше рад избавлению от тебя, и не печалился я, когда Эомер привез весть о том, что ты наконец обрел вечный покой. Увы, дальнейшее эхо обычно обманчиво: ты не замедлил явиться вновь! А за тобою, как всегда, беды страшнее прежних. И ты, Гэндальф Зловещий Ворон, ждешь от меня милостивых речей? Не дождешься!

И он опустил на свой золоченый трон.

– Справедливы слова твои, государь, – сказал бледный человечек на ступеньках. – И пяти дней не прошло, как принесли нам скорбную весть о гибели сына твоего Теодреда в западных пределах: ты лишился правой руки, Второго Сенешаля Мустангрима. На Эомера надежда плоха: ему только дай волю, и он оставит дворец твой безо всякой охраны. А из Гондора между тем извещают, что Черный Властелин грозит нашествием. В лихую годину пожаловал вновь этот бродячий кознодей! Взаправду, о Зловещий Ворон, неужели радоваться нам твоему прилету? Латспелл нареку я тебя, Горевестник – а по вестям и гонца встречают.

Он издал сухой смешок, приподняв набрякшие веки и злобно оглядывая пришельцев.

– Ты слывешь мудрецом, приятель Гнилоуст, и на диво надежной опорой служишь ты своему господину, – спокойно заметил Гэндальф. – Знай же, что не одни кознодеи являются в горестный час. Бывает, что рука об руку с худыми вестями спешит подмога, прежде ненадобная.

– Бывает, – ехидно согласился Гнилоуст, – но бывают еще и такие костоглоды, охочие до чужих бед, стервятники-трупоеды. Бывала ли от тебя когда-нибудь подмога, Зловещий Ворон? И с какой подмогой спешил ты сейчас? Прошлый раз ты, помнится, сам явился за подмогой. Конунг оказал тебе милость, дозволил выбрать коня, и, всем на изумленье, ты дерзостно выбрал Светозара. Государь мой был опечален; но иным даже эта великая цена не показалась чересчур дорогой, лишь бы ты поскорее убрался восвояси. И нынче ты опять наверняка явился не с подмогой, а за подмогой. Ты что, привел дружину? Конников, меченосцев, копейщиков? Вот это была бы подмога, надобная нам теперь. А ты – кого ты привел? Трех грязных голодранцев, а самому только нищенской суммы недостает!

– Неучтиво стали встречать странников во дворце твоём, о Теоден, сын Тенгела, – покачал головой Гэндальф. – Разве привратник не поведал тебе имен моих спутников? Таких почетных гостей в этом чертоге еще не бывало, и у дверей твоих они сложили оружие, достойное величайших витязей. Серое облачение подарили им эльфы Кветлоризна; оно уберегло их от многих опасностей на трудном пути в твою столицу.

– Так, стало быть, верно сказал Эомер, что вас привечала колдунья Золотого Леса? – процедил Гнилоуст. – Оно и немудрено: от века плетутся в Двиморнеде коварные тенета.

Гимли шагнул вперед, но рука Гэндальфа легла ему на плечо, и он замер.

О Двиморнед, Кветлоризн,

Где смертных дней не властен тлен!

Укрыт вдали от смертных глаз,

Тот край сияет, как алмаз.

«Галадриэль! Галадриэль!» –

Поет немолчная свирель,

И подпеваает ей вода,

И блещет белая звезда.

Кветлориэн, о Двиморнед,

Прозрачный мир, где тлена нет!

Так пропел Гэндальф, и вмиг его облик волшеббно изменился. Он сбросил хламиду, выпрямился, сжимая посох в руке, и произнес сурово и звучно:

– Мудрые не кичатся невежеством, о Грима, сын Галмода. Но без остатка сгнило твое нутро. Замкни же смрадные уста! Я не затем вышел из огненного горнила смерти, чтоб препираться с презренным холуем!

Он воздел посох, и грянул гром. Солнечные окна задернуло черным пологом, чертог объяла густая тьма. Огонь исчез в груди тускнеющих угольев. Виден был один лишь Гэндальф – высокая белая фигура у мрачного очага.

В темноте послышалось яростное шипение Гнилоуста:

– Я же говорил, государь, надо было отнять у него посох! Болван и предатель Гайма погубил нас!

Проблистала ветвистая молния; казалось, свод раскололся. Потом все смолкло. Гнилоуст простерся ничком.

– Выслушай же меня, Теоден, сын Тенгела! – молвил Гэндальф. – Ты искал помощи в годину бедствий? – Он указал посохом на высокое окно: в разрыве туч открылась глубокая небесная лазурь. – Еще не всевластен мрак в Средиземье. Мужайся, повелитель Мустангрима! – вот тебе самая верная подмога. Отчаянье к советам глухо; отринь его, и я готов быть твоим советчиком, но лишь с глазу на глаз. А прежде выйди на свое крыльцо, погляди вокруг. Засиделся ты взаперти, внимая кривдам и кривотолкам.

Еще медленней прежнего поднялся с трона Теоден. В чертоге стало светлее. Девушка поддерживала дряхлого конунга; старец неверными шагами сошел по ступеням помоста и, волоча ноги, поплелся через огромную палату. Гнилоуст остался лежать, где лежал. Наконец они подошли к дверям, и Гэндальф гулко ударил в них посохом.

– Отворите! – крикнул он. – Отворите повелителю Мустангрима!

Двери распахнулись, и свежий воздух с шумом хлынул в чертог. Горный ветер засвистал в ушах.

– Отошли телохранителей к подножию лестницы, – сказал Гэндальф. – И ты оставь его, дева, на мое попечение.

– Иди, Эовин, сестрина дочь! – повелел конунг. – Время страхов миновало.

Девушка отправилась назад, но в дверях обернулась. Суров и задумчив был ее взор; на конунга она глянула с безнадежной грустью. Лицо ее сияло красотой; золотистая коса спускалась до пояса; стройнее березки была она, в белом платье с серебряной опояской; нежнее лилии и тверже стального клинка – кровь конунгов текла в ее жилах.

Так Арагорну впервые предстала при свете дня Эовин, ристанийская принцесса, во всей ее холодной, еще не женственной прелести, ясная и строгая, как внешнее утро в морозной дымке. А она поглядела на высокого странника в серых отрепьях и увидела властителя и воина, величавого и доблестного, умудренного долготелными многотрудными испытаниями. На миг она застыла, не сводя с него глаз, потом повернулась и исчезла.

– Государь, – сказал Гэндальф, – взгляни на свою страну! Вздохни полной грудью!

С крыльца на вершине высокой террасы, далеко за бурливой рекой виднелась зеленая степная ширь в туманном окоеме. Ее застилала косые дождевые полотна. Грозовые тучи еще клубились над головой и омрачали западный край небосвода: там, среди невидимых вершин, вспыхивали дальние молнии. Но все упорнее задувал северный ветер, и гроза, налетевшая с востока, отступала на юг, к морю. Внезапно тучи вспорол яркий солнечный луч, и засеребрились ливни, а река словно остекленела.

– Не так уж темно на белом свете, – молвил Теоден.

– Темно, да не совсем, – подтвердил Гэндальф. – И годы твои не так уж гнетут тебя, как тебе нашептали. Отбрось клюку!

Черный жезл конунга со стуком откатился. А конунг выпрямился устало и медлительно, точно разгибаясь из-под ярма. И стоял, стройный и высокий, а глаза его просияли небесной голубизной.

– Смутные, черные сны одолевали меня, – сказал он, – но я, кажется, пробудился. Да, Гэндальф, пожалуй, надо было тебе явиться пораньше. Боюсь, ты запоздал и подоспел лишь затем, чтоб увидеть крушение Мустангрима, мои последние дни в высоком чертоге, который построил некогда Брего, сын Эорла. Пепелище останется на месте древней столицы. И все же как быть, по-твоему?

– Сперва, – отвечал Гэндальф, – вели послать за Эомером. Ты ведь заточил его в темницу по совету Гримы, которого все, кроме тебя, называют Гнилоустом?

– Да, это так, – подтвердил Теоден. – Он ослушался меня и вдобавок угрожал Гриму смертью у подножия моего трона.

– Твой верноподданный вправе ненавидеть Гнилоуста и презирать его советы, – возразил Гэндальф.

– Может быть, может быть. Пусть свершится по просьбе твоей. Кликни Гайму. Телохранитель он ненадежный, посмотрим, каков на посылках. Обе провинности рассудим заодно, – сказал Теоден, и голос его был суров, но он встретил взгляд Гэндальфа улыбкой, и многие морщины на челе его изгладились бесследно.

Гайму призвали и отправили с поручением в темницу, а Гэндальф указал Теодену на каменную скамью и сел у ног его на верхней ступени лестницы. Арагорн, Леголас и Гимли стояли неподалеку.

– Нет времени на долгие рассказы, – сказал Гэндальф. – А между тем многое не мешало бы тебе знать. Впрочем, должно быть, вскоре выпадет нам с тобой случай потолковать как следует. А пока открою тебе, что бедствия подлиннее не в пример грознее тех, которыми пугал тебя Гнилоуст. Однако же явь – не морок, а ты теперь ожил въяве. Не только Гондор и Мустангрим противостоят Всеобщему Врагу. Полчища его несметны, но нас осеняет надежда, неведомая ему.

Быстрой стала речь Гэндальфа, тихий его голос был слышен одному конунгу, и глаза Теодена разгорались все ярче. Наконец он встал со скамьи и выпрямился во весь рост. Гэндальф стоял рядом, и оба глядели на восток с горной высоты.

– Поистине так, – произнес Гэндальф громко, звонко и отдельно. – Спасение наше там, откуда грозит нам гибель. Судьба наша висит на волоске. Однако надежда есть, лишь бы удалось до поры до времени выстоять.

Трое спутников Гэндальфа тоже обратили взоры к востоку. Неоглядная даль тонула во мгле, но они уносились мыслью за горные преграды, в край, окованный холодным мраком. Где-то там Хранитель Кольца? Тонок же тот волосок, на котором повисла общая судьба! Зоркому Леголасу почудилась точно бы светлая вспышка: должно быть, солнце блеснуло на шпиге гондорской Сторожевой Башни и в запредельном сумраке зажегся ответный, крохотный и зловещий багровый огонек.

Теоден опустил на скамью: старческая немощь снова обессилила его вопреки воле Гэндальфа. Он

обернулся и поглядел на свой дворец.

– Увы! – сказал он. – Увы мне, под старость мою нагрянули скорбные дни, а я-то надеялся окончить жизнь в мире, заслуженном и благодатном. Доблестный Боромир убит! Увы, молодые гибнут смертью храбрых, а мы, старики, догниваем, кое-как доживаем свой век.

– Длань твоя вспомнит былую мощь, если возьмется за рукоять меча, – сказал Гэндальф.

Теоден встал, рука его попусту обшаривала бедро: не было меча у него на поясе.

– Куда его спрятал Грима? – пробормотал он.

– Возьми, государь! – раздался чей-то звонкий голос. – Лишь в твою честь обнажался этот клинок, ты – его хозяин.

Два воина приблизились незаметно и остановились за несколько ступеней. Один из них был Эомер, без шлема и панциря; он держал за острие обнаженный меч и протягивал его конунгу.

– Это что еще такое? – сурово спросил Теоден. Он повернулся к Эомеру, статный и величавый. Куда подевался скрюченный гном на троне, немощный старец с клюкой?

– Моя вина, государь, – с трепетом признался Гайма. – По моему разумению, ты простил и освободил Эомера, и я так возрадовался, что не взыщи за ошибку. Освобожденный Сенешаль Мустангрима потребовал меч, и я ему не отказал.

– Лишь затем, чтобы положить его к твоим ногам, государь, – сказал Эомер.

Теоден молча глядел на преклонившего колени Эомера. Все стояли неподвижно.

– Меч-то, может, возьмешь? – посоветовал Гэндальф.

Теоден потянулся за мечом, взялся за рукоять – и рука его на глазах обрела богатырскую силу и сноровку. Меч со свистом описал в воздухе сверкающий круг. Конунг издал клич на родном языке, призыв к оружию, гордый и зычный:

Конники Теодена, конунг зовет на брань!

На кровавую сечу, в непроглядную тьму.

Снаряжайте коней, и пусть затрубят рога!

Эорлинги, вперед!

Взбежав по лестнице, телохранители с изумлением и восторгом поглядели на своего государя и сложили мечи у его ног.

– Повелевай! – в один голос молвили они.

– Весту Теоден хал! – воскликнул Эомер. – Великая радость выпала нам – узреть возрожденное величье. Уж не скажут более про тебя, Гэндальф, будто приносишь ты одни горести!

– Возьми свой меч, Эомер, сестрин сын! – сказал конунг. – Гайма, пойдти за моим мечом: он хранится у Гримы. И Гриму приведи. Ты сказал, Гэндальф, что готов быть моим советчиком, но советов твоих я пока не слышал.

– Ты их уже принял, – отозвался Гэндальф. – Доверься Эомеру вопреки подлым наветам. Отбрось страхи и сожаленья. Ничего не откладывай. Всех годных к ратному делу немедля конным строем на запад, как и советовал тебе Эомер: надо, пока не поздно, расправиться с Саруманом. Не сумеем – все пропало. Сумеем – там будет видно. Женщины, дети и старики пусть перебираются из Эдораса в горные убежища – на этот случай они и уготованы. И как можно скорей – побольше припасов,

поменьше скарба, лишь бы сами успели спастись.

– Да ты советчик хоть куда, – сказал Теоден. – Снарядиться и собираться! Но хороши мы хозяева! Верно сказал ты, Гэндальф, неучтиво стали встречать у нас странников. Вы скакали ночь напролет, вот уж и полдень; вам надо поесть и выспаться. Сейчас приготовят покои: отоспитесь после трапезы.

– Нет, государь, – сказал Арагорн. – Не будет нынче отдыха усталым. Сегодня же выступят в поход копейщики Мустангрима, и мы с ними – секира, меч и лук. Не должно оружию нашему залеживаться у твоих дверей. Я обещал Эомеру, что клинки наши заблещут вместе.

– И победа будет за нами! – воскликнул Эомер.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал Гэндальф. – Изенгард – страшный противник, но во сто крат гибельнее грядущие напасти. Мы отправимся им навстречу, а ты, Теоден, поскорее уводи оставшихся всех до единого в Дунхергскую теснину.

– Нет, Гэндальф! – возразил конунг. – Ты сам еще не знаешь, каков ты лекарь. Я поведу ристанийское ополчение и разделю общую участь на поле брани. Иначе не будет мне покоя.

– Что ж, тогда и поражение Мустангрима воспоют как победу, – сказал Арагорн, и рядом стоявшие воины, бряцая оружием, возгласили:

– Да здравствует вождь Теоден! Вперед, зорлинги!

– Однако и здесь нельзя оставить безоружный люд без предводителя, – сказал Гэндальф. – Кого ты назначишь своим заместителем?

– Решение за мной, и я повременю, – отвечал Теоден. – А вот, кстати, и мой тайный советник.

Гайма показался в дверях чертога. За ним, между двух стражей, втянув голову в плечи, следовал Грима Гнилоуст. Лицо его было мучнистое, непривычные к солнцу глаза часто моргали. Гайма преклонил колени и вручил Теодену длинный меч в золотокованных ножнах, усыпанных смарагдами.

– Вот, государь, твой старинный клинок Геругрим, – сказал он. – Нашелся у него в сундуке, который он никак не хотел отпирать. Там припрятано много пропавших вещей.

– Ты лжешь, – прошипел Гнилоуст. – А меч свой государь сам отдал мне на хранение.

– И теперь надлежит возвратить его владельцу, – сказал Теоден. – Тебе это не по нутру?

– На все твоя воля, государь, – отвечал тот. – Я лишь смиренно пекусь о тебе и твоём достоянии. Но побереги свои силы, повелитель, они ведь уж не те, что прежде. Препоручи другим назойливых гостей. Трапеза твоя готова. Не пожалуешь ли к столу?

– Пожалую, – сказал Теоден. – И позаботься о трапезе для моих гостей, мы сядем за стол вместе. Ополчение выступает сегодня. Разошли глашатаев по столице и ближним весям. Мужам и юношам – всем, кому по силам оружие и у кого есть кони, – построиться у ворот во втором часу пополудни!

– Ох, государь! – воскликнул Гнилоуст. – Этого-то я и страшился: чародей околдовал тебя. И ты оставишь без охраны золотой чертог своих предков и свою казну? Без охраны останется повелитель нашего края?

– Околдовал, говоришь? – переспросил Теоден. – По мне, такие чары лучше твоих нашептываний. Твоими заботами мне бы давно уж впору ползать на четвереньках. Нет, в Эдорасе не останется никого; даже тайный советник Грима сядет на коня. Ступай! У тебя еще есть время счистить с меча ржавчину.

– Смиловитесь, государь! – завопил Гнилоуст, извиваясь у ног конунга. – Сжался над стариком, одряхлевшим в неусыпных заботах о тебе! Не отсылай меня прочь! Я и в одиночку сумею охранить

твою царственную особу. Не отсылай своего верного Гриму!

– Сжалюсь, – сказал Теоден. – Сжалюсь и не отошлю. Я поведу войско; сражаясь рядом со мной, ты сможешь доказать свою верность.

Гнилоуст обвел враждебные лица взглядом затравленного зверя, судорожно изыскивающего спасительную уловку. Он облизнул губы длинным бледно-розовым языком.

– Подобная решимость к лицу конунгу из рода Эорла, как бы он ни был стар, – сказал он. – Конечно, преданный слуга умолил бы его пощадить свои преклонные лета. Но я вижу, что запоздал и государь мой внял речам тех, кто не станет оплакивать его преждевременную кончину. Тут уж я ничем не могу помочь; но выслушай мой последний совет, о государь! Оставь наместником того, кто ведает твои сокровенные мысли и свято чтит твои веления! Поручи преданному и многоопытному советнику Гриму блюсти Эдорас до твоего возвращения – увы, столь несбыточного.

Эомер расхохотался.

– А если в этом тебе будет отказано, о заботливый Гнилоуст, ты, может, согласишься и на меньшее, лишь бы не ехать на войну? согласишься тащить в горы куль муки – хотя кто его тебе доверит?

– Нет, Эомер, не понимаешь ты умысла почтенного советника, – возразил Гэндальф, обратив на Гнилоуста проницательный взгляд. – Он ведет хитрую, рискованную игру – и близок к выигрышу даже и сейчас. А сколько он уже отыграл у меня драгоценного времени! Лежать, гадина! – крикнул он утрашающим голосом. – Лежи, ползай на брюхе! Давно ты продался Саруману? И что тебе было обещано? Когда все воины полягут в бою, ты получишь свое – долю сокровищ и вождевленную женщину? Ты уж не первый год исподтишка, похотливо и неотступно следишь за нею.

Эомер схватился за меч.

– Это я знал и раньше, – проговорил он. – И за одно это я готов был зарубить его в чертоге, на глазах у конунга, преступив древний закон. Так, стало быть, он еще и изменник? – И он шагнул вперед, но Гэндальф удержал его.

– Эовин теперь в безопасности, – сказал он. – А ты, Гнилоуст... что ж, для своего подлинного хозяина ты сделал все что мог, и он у тебя в долгу. Но Саруман забывчив и долги платить неохоч: поезжай-ка скорей к нему, напхни о своих заслугах, а то останешься ни при чем.

– Ты лжешь, – прогнусил Гнилоуст.

– Недаром это слово не сходит у тебя с языка, – сказал Гэндальф. – Нет, я не лгу. Смотри, Теоден, вот змея подколотная! Опасно держать его при себе, и здесь тоже не оставишь. Казнить бы его – и дело с концом, но ведь много лет он служил тебе верой и правдой, служил, как умел. Дай ему коня и отпусти на все четыре стороны. Выбор его будет ему приговором.

– Слышишь, Гнилоуст? – сказал Теоден. – Выбирай: либо рядом со мною, в битве, докажешь свою преданность мечом, либо отправляйся, куда знаешь. Только, если мы снова встретимся, милосердия не жди.

Гнилоуст медленно встал, повел глазами исподлобья, взглянул на Теодена и открыл было рот, но вдруг разогнулся и выпрямился. Скрюченные пальцы его дрожали; взор зажегся такой нещадной злобой, что перед ним расступились, а он ощерился, с присвистом сплюнул под ноги конунгу, отскочил и кинулся вниз по лестнице.

– За ним! – распорядился Теоден. – Приглядите, чтоб он чего не учинил, но его не трогать и не задерживать. Если ему нужен конь, дайте ему коня.

– Еще не всякий конь согласится на такого седока, – сказал Эомер.

Один из телохранителей побежал вниз. Другой принес в шлеме родниковой воды и омыл камни, оскверненные плевком Гнилоуста.

– Теперь воистину добро пожаловать! – сказал Теоден. – Пойдемте побеседуем за нашей недолгой трапезой.

Они вернулись во дворец. Снизу, из города, слышались крики глашатаев и пение боевых рогов: объявляли приказ конунга и уже трубили сбор.

За столом у Теодена сидели Эомер и четверо гостей. Конунгу прислуживала Эовин. Ели и пили быстро и молча; лишь хозяин расспрашивал Гэндальфа про Сарумана.

– С каких пор он стал предателем, этого мне знать не дано, – сказал Гэндальф. – Зло овладевало им постепенно. Некогда он, я уверен, был вашим искренним другом, и, даже когда черные замыслы его созрели и сердце ожесточилось, Мустангрим поначалу ему не мешал, а мог быть и полезен. Но это было давно, и давно уже он задумал вас погубить, собираясь для этого с силами и скрывая козни под личиной добрососедства. В те годы Гнилоуст просто-напросто сразу оповещал Изенгард обо всех твоих делах и намерениях. Это было ему нетрудно: чужаки-соглядатаи сновали туда-сюда, но Ристания – край открытый, и никто их не замечал. А он вдобавок советовал да наушничал, отравляя твои мысли, оледеняя сердце, расслабляя волю; подданные твои это видели, но ничего не могли поделать, ибо ты стал его безвольным подголоском.

Но когда я спасся из Ортханка и предостерег тебя, когда личина была сорвана – тут уж тайное сделалось явным, и Гнилоуст принялся опасно хитрить. Он выдумывал препоны, отводил удары, распылял войска. А изворотлив он был на диво: то стыдил за оглядку, то стращал колдовством. Помнишь, как по его наущению все войска впустую услали на север, когда они нужны были на западе? Твоими устами он запретил Эомеру погоню за сворой орков, и если бы Эомер не ослушался твоего, а вернее, Гнилоустова злокозненного запрета, то орки сейчас доставили бы в Изенгард бесценную добычу. Не ту, о которой пуще всего мечтает Саруман, нет, – но двоих из нашего Отряда, сопричастных тайной надежде: о ней я даже с тобой, государь, пока не смею говорить открыто. Подумай только, что бы им довелось претерпеть и что Саруман проведал бы на пагубу нам?

– Я многим обязан Эомеру, – сказал Теоден. – Говорят: словом дерзок, да сердцем предан.

– Скажи лучше: кривой суд всегда правое скривит, – посоветовал Гэндальф.

– Да, судил я вкривь, – подтвердил Теоден. – А тебе обязан прозрением. Ты опять явился вовремя. Позволь одарить тебя по твоему выбору: что ни захочешь – все твое. Лишь меч мой оставь мне!

– Вовремя явился я или нет, это мы увидим, – сказал Гэндальф. – А дар от тебя охотно приму, и выбор мой уже сделан. Подари мне Светозара! Ведь ты его лишь одолжил – таков был уговор. Но теперь я помчусь на нем навстречу неизведанным ужасам: один серебряный конь против девяти вороных. Чужим конем рисковать не след; правда, мы с ним уже сроднились.

– Достойный выбор, – сказал Теоден, – и нынче я с радостью отдаю тебе лучшего коня из моих табунов, ибо нет среди них подобных Светозару и, боюсь, не будет. В нем одном неожиданно возродилась могучая порода древности. А вы, гости мои, подыщите себе дары у меня в оружейной. Мечи вам не надобны, но там есть шлемы и кольчуги отменной работы мастеров Гондора. Подберите, что придется по душе, и да послужат они вам в бою!

Из оружейной нанесли груды доспехов, и вскоре Арагорн с Леголасом облачились в сверкающие панцири, выбрали себе шлемы и круглые щиты с золотой насечкой, изукрашенные по навершью смарагдами, рубинами и жемчугом. Гэндальфу доспех был не нужен, а Гимли не требовалась кольчуга, если бы даже и нашлась подходящая, ибо среди сокровищ Эдораса не было панциря прочнее, чем его собственный, выкованный гномами Подгорного Царства. Но он взял себе стальную шапку с кожаным подбоем – на его круглой голове она сидела как влитая, взял и маленький щит с белым скакуном на зеленом поле – гербом Дома Эорла.

– Да сохранит он тебя от стрел, мечей и копий! – сказал Теоден. – Его изготовили для меня еще во дни Тенгела, когда я был мальчиком.

Гимли поклонился.

– Я не посрамлю твоего герба, Повелитель Ристании, – сказал он. – Да мне и сподручней носить щит с лошадьё, чем носиться на лошади. Свои ноги – они как-то надежнее. Вот отвезут меня куда надо, опустят на твердую землю, а там уж я себя покажу.

– Увидим, – сказал Теоден.

Конунг встал, и Эовин поднесла ему кубок вина.

– Фэрту Теоден хал! – промолвила она. – Прими этот кубок и почни его в нынешний добрый час. Да открылит тебя удача, возвращайся с победой!

Теоден отпил из кубка, и она обнесла им гостей. Перед Арагорном она помедлила, устремив на него лучистые очи. Он с улыбкой взглянул на ее прекрасное лицо и, принимая кубок, невзначай коснулся затрепетавшей руки.

– Привет тебе, Арагорн, сын Араторна! – сказала она.

– Привет и тебе, Дева Ристании, – отвечал он, помрачнев и больше не улыбаясь.

Когда круговой кубок был допит, конунг вышел из дверей чертога. Там его поджидала дворцовая стража, стояли глашатаи с трубами и собрался знатный люд из Эдораса и окрестных селений.

– Я отправляюсь в поход, может статься, последний на моем веку, – сказал Теоден. – Мой сын Теодред погиб, и нет прямых наследников трона. Наследует мне сестрин сын Эомер. Если и он не вернется, сами изберите себе государя. Однако же надо назначить правителя Эдораса на время войны. Кто из вас останется моим наместником?

Ни один не отозвался.

– Что ж, никого не назовете? Кому доверяет мой народ?

– Дому Эорла, – отвечивал за всех Гайма.

– Но Эомера я оставить не могу, да он и не останется, – сказал конунг. – А он – последний в нашем роду.

– Я не называл Эомера, – возразил Гайма – И он в роду не последний. У него есть сестра – Эовин, дочь Эомунда. Она чиста сердцем и не ведает страха. Любезная Эорлингам, пусть примет она бразды правления – она их удержит.

– Да будет так, – скрепил Теоден. – Глашатаи, оповестите народ о моей наместнице!

И конунг опустился на скамью у дверей и вручил коленопреклоненной Эовин меч и драгоценный доспех.

– Прощай, сестрина дочь! – молвил он. – В трудный час расстанемся мы, но, может, еще и свидимся в золотом чертоге. Если же нет, если нас разобьют, уцелевшие ратники стекутся в теснину Дунхерга: там вы еще долго продержитесь.

– Напрасны эти слова, – сказала она. – Но до вашего возвращенья мне день покажется с год.

И, говоря так, взглянула на Арагорна, стоявшего рядом.

– Конунг вернется, – сказал тот. – Не тревожься! Не на западе – на востоке ждет нас роковая битва!

Теоден и Гэндальф возглавляли молчаливое шествие, растянувшееся по длинной извилистой лестнице. Возле крепостных ворот Арагорн обернулся. С возвышенного крыльца, от дверей золотого чертога смотрела им вслед Эовин, опершись на меч обеими руками. Ее шлем и броня блистали в солнечных лучах.

Гимли шел рядом с Леголасом, держа секиру на плече.

– Ну, наконец-то раскачались! – сказал он. – Ох и народ эти люди – за все про все у них разговор. А у меня уж руки чешутся, охота секирой помахать. Хотя ристанийцы-то небось тоже рубаки отчаянные. А все ж таки не по мне такая война: поле боя невесть где, как хочешь, так и добираться. Ладно бы пешком, а то трясись, мешок мешком, на луке у Гэндальфа.

– Завидное местечко, – сказал Леголас. – Да ты не волнуйся, Гэндальф тебя, чуть что, живенько на землю спустит, а Светозар ему за это спасибо скажет. Верхом-то секирой не помашешь.

– А гномы верхом и не воют. С лошади удобно разве что людям затылки брить, а не оркам рубить головы, – сказал Гимли, поглаживая топориче.

У ворот выстроилось ополчение: и стар, и млад – все уже в седлах и в полном доспехе. Собралось больше тысячи; колыхался лес копий. Теодена встретили громким, радостным кличем и подвели его коня, именем Белогрив. Наготове стояли кони Арагорна и Леголаса. Покинутый Гимли только было насупился, как к нему подошел Эомер с конем в поводу.

– Привет тебе, Гимли, сын Глоина! – сказал он. – Вот видишь, все недосуг поучиться у тебя учтивости. Но, может, мы пока не будем квитаться? Обещаю, что более ни словом не задену Владычицу Золотого Леса.

– Я готов отложить наш расчет, Эомер, сын Эомунда, – важно отозвался Гимли. – Но если тебе выпадет случай воочию увидеть царицу Галадриэль, ты либо признаешь ее прекраснейшей на свете, либо выйдешь со мной на поединок.

– Да будет так! – сказал Эомер. – До тех пор, однако, прости мои необдуманные слова и в знак прощения изъяви, если можно, согласие быть моим спутником. Гэндальф поедет впереди, вместе с конунгом, а мой конь Огненог, с твоего позволения, охотно свезет нас двоих.

– Согласен и благодарен, – ответил польщенный вежливой речью Гимли. – Только пусть мой друг Леголас едет рядом с нами.

– Решено! – сказал Эомер. – Слева поедет Леголас, справа – Арагорн. Кто устоит против нас четверых?

– А где Светозар? – спросил Гэндальф.

– Пасется у реки, – сказали ему. – И никого к себе близко не подпускает. Вон он, там, близ переправы, легкой тенью мелькает в ивняке.

Гэндальф свистнул и громко кликнул коня; Светозар переливисто заржал в ответ и примчался в мгновение ока.

– Западный ветер во плоти, да и только, – сказал Эомер, любуясь статью и норовом благородного скакуна.

– Как тут не подарить, – заметил Теоден. – Впрочем, – повысил он голос, – слушайте все! Да будет ведомый всем вам Гэндальф Серая Хламида, муж совета и брани, отныне и присно желанным гостем нашим, сановником Ристании и предводителем Эорлингов, и да будет слово мое нерушимо, пока не померкнет слава Эорла! Дарю ему – слышите? – Светозара, коня из коней Мустангрима!

– Спасибо тебе, конунг Теоден, – молвил Гэндальф. Он скинул свой ветхий плащ и отбросил широкополую шляпу. На нем не было ни шлема, ни брони; снежным блеском сверкнули его седины и засияло белое облачение.

– С нами наш Белый Всадник! – воскликнул Арагорн, и войско подхватило клич.

– С нами конунг и Белый Всадник! – пронеслось по рядам. – Эорлинги, вперед!

Протяжно запели трубы. Кони вздыбились и заржали. Копья грянули о щиты. Конунг воздел руку, и точно могучий порыв ветра взметнул последнюю рать Ристании: громоносная туча помчалась на запад.

Эовин провожала взглядом дальние отблески тысячи копий на зеленой равнине, одиноко стоя у дверей опустевшего чертога.

К О Н Е Ц

Скачивая сказку "Властелин колец (6 глава)" Вы подтверждаете что будете использовать ее исключительно в ознакомительных целях и позже обязательно приобретете ее бумажный вариант.

Еще больше сказок для вас и ваших детей на сайте "В мире сказки" (vmireskazki.ru)